

Татьяна Мушурьян

Рассказы из доброй жизни

18+

Татьяна Мушурьян
Рассказы из доброй жизни

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Мушурьян Т.

Рассказы из доброй жизни / Т. Мушурьян — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Книга повествует о жизни, которая доставляет радость, удовольствие, а иногда волнение и огорчения. Этот сборник повестей и рассказов содержит воспоминания разных периодов жизни автора - творческой натуры, живущей (жившей) „с улыбкой и любовью”. Автор делится с окружающим ее миром и с читателем светлыми и положительными эмоциями. Очень хочется, чтобы этот сборник доставил вам удовольствие и зарядил доброй и жизнеутверждающей энергией.

Содержание

Соседка	5
Ключи	12
«Дорогой доктор!», или Записки пациента	16
Глава 1	16
Глава 2	18
Глава 3	20
Глава 4	22
Глава 5	23
Гений в перышках	25
Лешечка	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Соседка Рассказ

В доперестроечные времена существовали, как их тогда называли, ведомственные дома. Наш дом был детищем Гостелерадио и был построен в непосредственной близости от телецентра «Останкино». Дом был заселен работниками телевидения всех рангов: от начальников, журналистов и ведущих до хозяйственных и административных работников. Все жильцы со своими женами и мужьями, детьми и другими родственниками жили в хороших по тем временам квартирах, соблюдая уважительность друг к другу и не нарушая статусных границ.

На одной лестничной площадке с нами жила интересная дама со взрослой дочерью. Сначала мы общались мельком при случайной встрече в лифте или около дверей своих квартир, обмениваясь дежурными фразами. Затем разговоры на лестнице между квартирами стали каждый раз затягиваться надолго, и мы начали посещать друг друга по мере необходимости в этом общении. Соседка моя была женщина своеобразная, с ярко выраженной индивидуальностью. Помню, что с первых мимолетных фраз меня совершенно потрясло ее чувство юмора, без тени улыбки на абсолютно серьезном лице. Это поначалу повергало меня в легкий шок, и только потом я научилась правильно на нее реагировать: она не шутила, она так разговаривала. Голос у нее был томный, манера говорить чуть замедленная, а в руке всегда дымилась сигаретка. У нее было два или три мужа, но теперь она была в разводе и о своих мужьях не очень любила вспоминать. Дама она была с характером: приехала в Москву из Сибири работала в телецентре еще на Шаболовке, долго жила по общежитиям и коммуналкам и, наконец, получила двухкомнатную квартиру на себя, дочь и последнего мужа, который потом бросил ее и ушел к другой женщине. Мужчин она одновременно и любила, и не очень жаловала, хотя говорила о них всегда с пикантной улыбкой, называя их всех «чудаками с ошибкой в орфографии». Вообще, правды ради надо сказать, что она виртуозно пользовалась ненормативной лексикой, но в ее устах это не звучало грубо и вульгарно, а говорилось только к месту, да еще с легкой небрежностью, как бы ненароком. В ней трудно было заподозрить ее «пролетарское» происхождение, и я всегда удивлялась ее загадочной манере завораживать собеседника течением своей мысли.

Она элегантно одевалась, была всегда ухожена и не обделена вниманием мужчин, к которым относилась как к эпизодам в ее непростой, в общем-то, жизни матери-одиночки. Но на сегодня у нее остался один старый друг, коллега по работе в «Останкино», с которым они обменивались воспоминаниями о долгих годах совместной работы, обсуждали жизненные проблемы и свою одинаково не сложившуюся личную жизнь.

Несмотря на большую разницу в возрасте, мы как-то очень быстро сблизились и стали постоянно нуждаться в общении друг с другом.

* * *

Меня всегда, словно магнитом, тянуло к интересным людям. От своей соседки я получала поток энергии – мощный и положительно заряженный. Как ни странно, ее дочь не унаследовала от матери хоть сколько-нибудь похожего обаяния и изящных манер. Она была замкнута, необщительна и производила впечатление этакой суровой и воинственной девушки. Даже внешне она не была похожа на мать: крупная, всегда с короткой мужской стрижкой и манерами этакой женщины-бойца. Единственное, что у них было общего, – это улыбка: добрая, немного наивная, с ямочками на щеках. Но очень редко она вдруг раскрывалась, и в ней просыпался добрый и наивный ребенок, с обожанием смотревший на свою мать. Моя соседка была женщиной авторитарной, это, видимо, и сказалось на формировании характера ее дочери. Она рассказы-

вала мне, что на работе ее любили, но побаивались за бескомпромиссность и «правду в глаза». Видимо, то же самое происходило и за закрытой дверью ее квартиры. Но дружить она умела, и подруг у нее было много. Нрав у нее был крутой, однако проявлялся он, я бы сказала, элегантно, и именно благодаря этому она проработала столько лет на административной должности в очень сложном творческом сообществе среди сплошных «гениев» и «великих».

Однажды, во время очередной беседы, я спросила у своей соседки:

– Как же так, вы такая обаятельная, неординарная женщина...

– Да, – перебила она меня. – Я женщина с шармом.

– А дочь у вас совсем другая. Вчера видела ее на улице, и она шла с таким лицом...

– словно шла взрывать Крымский мост, – томно продолжила она мою фразу без тени улыбки.

Как-то раз, когда мы болтали у нее на кухне, зазвонил телефон, и одна из подруг стала долго и подробно рассказывать о своей болезни, о том, как ей плохо, что врачи ничего не понимают, что лекарства не помогают и что вообще она, видимо, доживает последние дни. В ответ на это я услышала:

– Что ты! Разве можно тебе сейчас умирать? Цветы в магазинах и на рынках такие дорогие!

Хорошо знавшая ее подруга сразу прекратила плакаться, и разговор перешел на более радостные темы.

Был у нас в доме сосед, занимавший в прошлом достаточно высокое положение, но за пьянство был уволен и, спившись окончательно, превратился в запойного алкоголика. Он опустился, стал похож на бомжа и в пьяном состоянии был очень агрессивным: прошлая начальственность давала о себе знать в полной мере. Он цеплялся к людям, орал на дежурных по подъезду, и все шарахались от него и боялись заходить с ним в лифт.

Мне часто «везло», так как он, живя ниже, часто подсаживался ко мне в лифт на своем этаже, и я, дрожа от страха, старалась даже не смотреть в его сторону. Но он меня не «задевал» и даже, когда лифт останавливался внизу, делал шаг назад и, дыша на меня перегаром, галантно вытянув руку к выходу, вежливо, но с трудом выговаривая, всякий раз произносил: «Прошу Вас, миледи!» Зная про этот его всплеск неожиданной галантности в мой адрес, соседка называла его «наш джентльмен».

Однажды поздно вечером, когда я заходила в подъезд, увидела вышедший из лифта милицкий наряд с автоматами наперевес. Поднявшись к себе на этаж, я повстречалась с соседкой, видимо, недавно вернувшейся с прогулки.

– Интересно, что это у нас в доме произошло? Три милиционера, с автоматами, такого я еще не видела!

– Да ничего особенного, – как обычно, с томной интонацией отвечает соседка. – Это они «нашего джентльмена» спать укладывали...

Однажды, в один из моментов беспробудного пьянства, он шагнул со своего балкона на пятом этаже прямо в «никуда», но, упав на густые деревья с этой стороны дома, удачно приземлился на газон, отделавшись только сломанной ногой. Когда скорая грузила его на носилки, он громко ругался, что они тащат его по грязной земле, а у него носки новые. В больнице он «не прижился», и его быстро выписали домой, после чего он запил беспробудно и вскоре умер у себя в квартире, не приходя в сознание после очередного запоя.

Моя соседка любила посплетничать, особенно после выхода на пенсию, когда круг ее общения заметно сузился. Теперь объектом ее обсуждений все больше становились жильцы нашего дома, характеристики которым она давала с умопомрачительной точностью. На ее острый язычок попадали как бывшие коллеги по «цеху», так и молодое пополнение нашего дома, но всегда это говорилось беззлобно, в присущей ей манере «серьезного юмора». Единствен-

ным из соседей, к кому она относилась с нежным чувством, был мой муж. Когда я бывала им недовольна и ворчала на него, она мне всегда говорила:

– Не смей обижать моего любимого соседа!

Даже тогда, когда этот сосед периодически «доставал» ее звонками в дверь с вопросом «А где моя жена?», она вежливо отвечала ему, что понятия не имеет. Но однажды она решила изменить тактику и на тот же вопрос она томно, с удивлением, как это умела, на него посмотрела и сказала, дымя сигареткой:

– Как где? На дискотеке...

Когда она мне это потом рассказала, я очень смеялась, но она пояснила, что сделала вывод: с моим мужем так шутить нельзя, так как он ее не понял и ушел очень озабоченный ответом. И что интересно, будучи сама человеком самобытным, она как бы притягивала к себе неординарные ситуации, и курьезы происходили с ней довольно часто.

Обслуживающий наш дом сантехник был фигурой неоднозначной. Специалист он был хороший, работу выполнял качественно, но всегда приходил в подпитии, что по тем временам было практически нормой. Определить, сколько ему лет от роду, не представлялось возможным: может, под пятьдесят, может, под шестьдесят, а может, и чуть за сорок, так как профессия сантехника, отложив «не просыхающий» отпечаток на внешности, размыла границы его возраста. Он в любое время года ходил в неизменной красной вязаной шапочке с помпончиком на макушке. Его в нашем доме все так и звали – Красная Шапочка. Вроде бы невзрачный мужичонка, но очень любил поговорить и пофилософствовать на тему «как обустроить мир». Мысли излагал гладко и удивлял «всяческими познаниями всего», и, если его вовремя не остановить, процесс замены крана растягивался на полдня. Когда он приходил, квартиры пропитывались соответственным духом, и жильцы долго потом проветривали помещения после его ухода.

Однажды моя соседка позвала его для мелкого ремонта в ванной комнате. Я попросила прислать его потом ко мне, чтобы поправить что-то на кухне, заранее предполагая, что ожидание затянется, так как в лице моей соседки Красная Шапочка всегда находил понимающего собеседника и приходил к ней с особым удовольствием. Но неожиданно скоро соседка мне звонит и спокойным голосом сообщает:

– «Красная шапочка» к тебе не придет.

– Почему? – спрашиваю.

– Он спит.

– Как спит?

– Сладко.

– Где?

– У меня в коридоре.

– Почему?

– Устал.

Я бегом к ней. Картина мирно храпящего сантехника, подкрепленная ароматом спиртного, меня впечатлила: спал он действительно сладко, а рядом валялась его сумка с инструментами. Мы обе не знали, что и предпринять. Подумав, мы решили его растолкать и попытаться выдворить из квартиры, так как поняли, что сегодня толку от него все равно не будет. Но после первого же толчка он вдруг очень резко поднялся, посмотрел на нас затуманенным взором и как ни в чем не бывало важно изрек:

– Тут нужен специальный ключ! Я сейчас за ним сбегаю и принесу.

Сказал и принес... Через два дня. А заодно забрал и сумку.

* * *

На одной лестничной площадке с нами в однокомнатной квартире жили мать и взрослый сын. Квартиру получал на себя отец как работник телевидения, но поселил в ней свою бывшую жену и их общего сына, который был уже взрослым парнем. Жили они тихо: мать не работала и занималась домом, парень тоже не работал и занимался неизвестно чем. Она была очень приятная и интеллигентная женщина, сын был тихий, вежливый и ни с кем не общался. Дочь моей соседки в непростое перестроечное время стала налаживать кое-какой бизнес. Что-то получалось, что-то нет, но денежки к пенсии матери были не лишними, и она даже часть из них стала тратить на новомодные приобретения, одним из которых стал видеоплеер, который только появился у нас на техническом рынке. Мать была рада, что дочь каждый вечер сидела дома за просмотрами новых фильмов, а не таскалась, как раньше, по подружкам. Она мне рассказала, что соседский парень, как-то разговорившийся с дочерью в лифте, узнав от нее, что она приобрела видеоплеер, напросился прийти и посмотреть какой-нибудь фильм. В другой раз при общении она сказала, что соседский парень ходит к ним каждый вечер, и они вдвоем с дочкой смотрят фильмы до часу ночи, а то и дольше. Но она была не против, так как ее взрослая дочь мало общалась с противоположным полом и вроде бы он был нормальный и вежливый, хотя, зная его отца по работе, она слышала разговоры о том, что его сын наркоман. Но слухи, слухами, а впечатление он производил хорошее, и она не возражала. Эти просмотры продолжались около месяца. Но однажды утром она прибегает ко мне в «растрепанных» чувствах, в волнении и рассказывает:

– Не знаю, как тебе, да и себе тоже объяснить ситуацию, но меня кто-то... обворовал.

Зная необычный ход ее мыслей, я сначала подумала, что это очередной «прикол» с ее стороны и все окажется очередным анекдотичным случаем, но она была бледна и сильно встревожена. Я присела и ей тоже указала на кресло.

– Дочка два дня назад уехала в командировку на три дня, по работе, – продолжала она. – Так получилось, что вчера я в ее комнату не заглядывала, а сегодня утром я решила протереть пыль и увидела на ее запыленном столике, где стоял плеер, чистое пятно... а плеера нет.

– Постойте, как так? Вы вчера из дома разве выходили? Накануне я вам звонила, и вы сказали, что неважно себя чувствуете.

– Да, но это было позавчера, а вчера мне было лучше, и я решила прогуляться по хорошей погоде и заодно зайти в магазин. Меня не было-то всего полчаса или минут сорок.

– И что было, когда вы вернулись?

– Да ничего. Я же говорю, что в комнату к дочери не заходила, а зашла только сегодня утром, и вот...

– Ну и дела... Просто не знаю, что вам и сказать... То есть за то время, как уехала дочь, вас не было дома всего полчаса?

– Да, вот именно. Это же уму непостижимо!

– Вот как раз и постижимо: это подтверждает лишь то, что за вами следили.

– Да кому я нужна, чтоб за мной следить?

– Не вы, а ваш плеер был кому-то очень нужен. Вы же знаете, нас с мужем обворовывали два раза: один раз в нашем доме, когда весь дом всколыхнуло это событие, потому что любую дверь тогда можно было фомкой открыть, и жильцы впервые задумались о своих дверях. А второй раз на даче, когда процветали дачные грабежи.

Давайте-ка подумаем вместе, кто бы это мог быть. Значит, вас не было минут сорок... Так... а когда вы выходили из квартиры, вы кого-нибудь заметили постороннего на этаже, ну, кого-нибудь вспомните?

– Да нет, никого постороннего не было, только этот сосед наш вместе с еще одним парнем чинили замок в двери. Они поздоровались, и все, и я пошла к лифту...

– Ну вот! Вот вам и грабители! Они же специально делали вид, что чинят замок, а на самом деле они за вами следили и ждали, когда вы уйдете. А то, что дочери вашей не будет несколько дней, сосед мог узнать от нее же.

– Не может быть! Неужели? Но ты так логично все объяснила, что у меня не остается сомнения, что это они, а если учесть то, что, как говорили, он наркоман и деньги ему нужны всегда, то, возможно, второй парень – это покупатель.

– Я вам давно говорила, что вашу квартиру можно ногтем открыть. Ваш замок из позапрошлого века нужно было давно заменить на современный. Я сама «погорела» на старом замке.

– Я в ужасе и смятении, – задумчиво проговорила соседка после всего нашего расследования.

– Да, – сказала я. – Только я не знаю, как вы теперь будете действовать?

– Никак!

– То есть?

– Я человек пожилой, а моей дочери в этой квартире жить и жить, и я никогда никому не скажу, что это наш сосед унес плеер, а главное, дочери. Я что-нибудь придумаю и всю эту «оплошность» возьму на себя, может быть, даже скажу ей, что забыла захлопнуть дверь и, наверное, вошел какой-нибудь совершенно случайный человек и польстился на этот плеер.

– Я с вами согласна, огласка совершенно ни к чему.

– Пока не знаю у меня еще день на обдумывание, а тебя очень прошу – ты ничего не знаешь вообще...

– Кстати, должна вам сказать, что своих грабителей я тоже вычислила очень легко, но также никому, кроме мужа, не сказала, чтобы жить спокойно, потому что они были вхожи в наш дом и часто у нас бывали. После ограбления они перестали не то что приходить, даже звонить. Вот интересно, придет ли к вам наш сосед смотреть фильмы, когда дочка придет?

– Я тебе скажу об этом. Да, совсем забыла тебе рассказать про еще одну деталь. Пропала спортивная сумка дочери, из которой вытряхнули вещи прямо на пол. Как ты думаешь, для чего им понадобилась сумка, если этот плеер взял в руки и быстро занес в свою квартиру?

– Я думаю, что именно для того, чтобы вы подумали, что человеку этому надо было нести плеер через весь дом, и не подумали бы, что вор живет рядом. У меня только такая версия. =

– Может быть...

Соседка ушла, но в этот же день купила новый замок и вызвала слесаря. Через неделю они с дочерью поставили металлическую дверь. А сосед смотреть фильмы больше ни разу не приходил, а через год и вообще уехал из нашего дома, и в квартире осталась одинокая мать.

* * *

В доме у моей соседки собаки были всегда. И всегда по две: у дочери своя, у нее своя. После того как предыдущие доживали свой собачий век, в квартире появились новые шустрые жильцы. Место двух стареньких пуделей через некоторое время заняли две новые собачки: дочкина девочка-йорк и мамино «чудо природы» – девочка-шарпей. Этот шарпей – это было нечто такое, от чего невозможно было оторвать глаз, а взяв в руки, невозможно было из них выпустить. Это бежевое пухлое существо было словно одето в меховой комбинезон размеров на пять больше, чем тельце, собранный в многочисленные складочки – от пухлых пальчиков на лапках до заплывших шкуркой глаз. Я первым делом побежала с щенком домой и положила его на прилежшего отдохнуть мужа. Мы как дети тискали это чудо и отдавать хозяйке не торопились, пока она сама не пришла за щенком. Назвала она «свою девочку» Дусей, а смешной ее

рот, со множеством свисающих складок, называла не иначе как «кошелек». Дуся очень быстро сообразила, что в нашей квартире ее отлично принимают и угощают вкусненьким. Возвращаясь с прогулки, она каждый раз устраивала шторм нашей двери, колотя по ней лапами и скуля на весь этаж. Пока Дуся была маленькая, мы ее с радостью пускали, но она росла и быстро превратилась в очень мощную и сильную собаку, оставаясь при этом игривым щенком. Бегая по нашей квартире на огромной скорости, она валила на пол все, что на чем-то стояло, загоня коврики и ковры под диваны и шкафы. А однажды, когда мы с соседкой заговорились, она запрыгнула на нашу кровать в спальне и сделала из нее «ночлежку для бомжей». После этого мне соседка сказала, чтобы я эту нахапку больше в гости не приглашала, а мой муж, который очень привязался к Дусе, стал гулять с ней по вечерам.

Однажды, рассказывая мне про очередные проделки Дуси, она сказала:

– Я вчера избила Дусю за безобразное поведение.

– Как так, избила?

– Да, очень сильно, носовым платком!

Мы обе рассмеялись.

Жизнь моей соседки на пенсии текла своим чередом, но я видела, как расстраивает ее одиночество взрослой дочери, которой было уже далеко за тридцать. Ей нравилась моя дочка-школьница, которая была общительная и собирала дома шумные компании одноклассников. Удивительно, но мне всегда казалось, что с моей дочкой ей было легче найти общий язык, чем со своей. Они часто беседовали при встрече, и, придя домой, дочка с удовольствием цитировала ее неординарные высказывания по тому или иному поводу и всегда радовалась, когда она к нам заходила. Но я чувствовала, как она обеспокоена одиночеством дочери и однажды я ее спросила:

– А вы разговариваете дома о ее планах на личную жизнь, о создании семьи, о мужчинах, наконец? Как она сама себе это представляет и что думает об этом?

– Эта тема у нас закрыта. Что я могу ей посоветовать, когда на ее глазах сама разрушила две свои семьи?

Это был убедительный ответ, и больше мы к этой теме не возвращались. Только однажды, когда ее дочь, решившая заняться лыжным спортом, поехала на одну из лыжных трасс, она мне сказала:

– Вчера вечером дочка собрала лыжи, рюкзак и поехала к поезду, а я смотрела в окно, и мне так было ее жалко, когда она шла одна с лыжами по темной улице...

В глазах у нее застыли слезы.

* * *

Время шло, вокруг многое поменялось, и в жизни моей соседки произошел резкий и драматический поворот. Однажды она позвонила ко мне в дверь, и я увидела, что она очень встревожена и выглядит неважно.

– Что случилось? – спрашиваю.

– У меня душа вся черная! – услышала я, и эти слова отразились в ее глазах. Она присела в кресло и сказала:

– С дочкой творится то, чего я все время опасалась. Она запила!

Надо сказать, что дочь соседки всегда хорошо училась и в школе, и в институте и получила хорошее техническое образование. Но житейской хватки у нее не было: она была то наивна, как ребенок, то грубовата и заносчива. А главное – она жила с комплексом «дурнушки», стеснялась мужчин и обвиняла мать, что она родила ее такой некрасивой.

– Ты пойми, – говорила мне соседка. – Она всю неделю на работе, а в субботу ходит на рынок, чтобы купить продукты нам и собакам. В воскресенье готовит еду и всех кормит. И все-е!

Я спросила:

– А где она сейчас?

– Она у подруги. Нашла себе такую же одинокую и пропадает у нее. Я позвонила этой подруге. Дочь там, но к телефону она не подошла, а вчера звонили с работы и сказали, что ее не было там уже три дня! Понимаешь, ее отец был алкоголик, это у нее в генах. Я поэтому от него и ушла, но никогда ей об этом не говорила.

В этот момент я подумала, что может быть напрасно в свое время мать, умная и рассудительная женщина, не рассказала дочери правду о ее отце. Такие моменты надо «проговаривать» с детьми в определенное время, чтобы ребенок учился делать выводы. Но поезд ушел и получилось так, как получилось. Ситуация оказалась печальной, и что уж тут посоветуешь. Но мне почему-то казалось, что дело не в генах, а в чем-то другом. В общем, казавшаяся стабильной жизнь моей соседки дала глубокую трещину: дочь, не получившая положительного примера создания семьи от матери, потеряв надежду на личную жизнь, оказалась «без руля и ветрил» и понеслась на крутой волне свободы подальше от авторитарной материнской любви.

Дальше – хуже. Она запила основательно и редко стала появляться дома. Мать осталась с двумя собаками и с пошатнувшимся на нервной почве здоровьем. Все меньше она выходила из своей квартиры, все чаще к ней стали приходить врачи.

Я часто бывала в отъезде, но постоянно звонила своей соседке, где бы ни находилась. Ситуация с дочерью усугублялась, а однажды, позвонив в очередной раз, я застала свою соседку в состоянии глубочайшего стресса: наша общая любимица Дуся вдруг неожиданно умерла, не справившись с каким-то вирусом. Судя по голосу, сил на дальнейший разговор у моей соседки не было, и я ничего больше спрашивать не стала. А когда я вернулась, то узнала, что она уже несколько дней не вставала с постели и тихо умерла в своей квартире.

После потери матери дочь окончательно утратила вектор в жизни. Ее все больше засасывала трясина пьянства: работу потеряла, собутыльники, поселившиеся в бывшей ухоженной квартире, превратили ее в помойку. Бедная маленькая собачка-йорк, постоянно надрывно лаявшая от непонимания происходящего, исчезла непонятно куда.

Менялась жизнь, менялись и жильцы в доме. Кто-то разъезжался, кто-то менялся, кто-то уходил из жизни, оставляя квартиру наследникам. Постепенно наш дом все больше заселялся новыми людьми, но неизменно сохранял традиции. «Старая гвардия» жильцов продолжала поддерживать устоявшийся порядок, и поначалу пыталась достучаться до сознания дочери, мать которой они всегда уважали. Потом, поняв, что уговоры ни к чему не приводят, стали вызывать милицию, но увидев, что и это бесполезно, перестали на все реагировать. Бывало, она на неделю затихала, потом все повторялось вновь. Так прошло два года... Потом как-то незаметно на нашей лестничной площадке все стихло. Дочь соседки все чаще можно было видеть трезвой, тихой и вежливой. Что послужило толчком к выздоровлению, сказать сложно, но оно было. Она сделала капитальную уборку в квартире, и бывшие «друзья» больше не навещали. Устроилась на какую-то работу, а вечера проводила за компьютером.

Сейчас она живет одна, тихо и замкнуто, собак больше не заводит. И кто знает, от чего человеку бывает хорошо или плохо: от того, что есть близкий человек рядом... или его нет.

Ключи Рассказ

Чемодан был собран и стоял в прихожей. Закрывая футляр со скрипкой, муж спросил:

– Вы готовы?

– Готовы, – сказала дочка-первоклассница, с которой мы всегда провожали папу в аэропорт на гастроли.

– Ну, присели на дорожку, – сказал муж. Мы сели, потом, подхватив чемодан и скрипку, он открыл дверь. Мы вышли. Закрывая дверь, он еще раз спросил нас:

– Может быть, сегодня вы не поедете меня провожать, все-таки погода снежная, обратно ехать будет сложно: таксисты любят гонять.

– Нет, – захныкала дочка, – мы же всегда тебя провожаем на гастроли, это традиция, а традиции нарушать нельзя, ты сам говорил.

– Согласен, – сказал муж.

Спустившись вниз, мы вышли из подъезда, около которого стояло такси, расселись, и водитель покати нас в аэропорт по заснеженным улицам Москвы, еще не знавшей иномарок, мобильных и нескончаемых пробок. В аэропорту муж, как всегда после пункта регистрации, куда тогда еще не пускали провожающих, помахал нам рукой и скрылся за глухим ограждением пограничной зоны. Мы с дочкой пошли к выходу, сели в такси и двинулись в обратный путь.

Снег усилился, и на улице стало чисто и красиво: укутанные снежком деревья создавали впечатление новогодней сказки, автомобили двигались неспешно, и настроение было приподнятым от всей этой белоснежной реальности.

Подъехав к подъезду и уже выйдя из машины, я привычно открыла сумочку, чтобы достать ключи, и... внутри у меня похолодело: ключей в сумочке не было. Всегда были, а сейчас не было. Решив, что я плохо проверила все отделения сумочки, я снова и снова залезала во все ее большие и мелкие кармашки.

– У меня ключей нет, – сказала я тихо и сама не узнала своего голоса.

– Мамочка, посмотри хорошо в сумке, – сказала дочка. – Ты всегда сначала ахаешь, а потом все оказывается хорошо.

– Нет ключей, только кошелек и всякая ерунда...

– Мамочка, лучше бы ты всякую ерунду туда не запикивала, – сказала моя не по годам рассудительная дочь. – Пойдем скорее в подъезд, а то я замерзла. В тепле и поищешь! – Мы вошли в подъезд, и я села на диван в холле около вахтера, который у нас всегда сидел за большим письменным столом. Я вытряхнула на диван все содержимое сумочки. Ключей не было... В этот день дежурил вахтер дядя Вася. Это был пожилой, щупленький человек, зимой и летом не снимавший желтой парусиновой кепочки. Он был очень ответственный и восседал на своем посту с полным пониманием порученной ему домкомом работы. Ко мне он относился с симпатией и часто помогал мне то тяжелую сумку с продуктами до лифта дотащить, то, увидев, что я не по погоде одета, советовал переодеться, потому что «в этом» я замерзну. Однажды был у меня с дядей Васей, прямо скажем, пикантный случай, когда у меня с не застекленной (тогда это было нельзя) лоджии с веревки соскочил сохнувший после стирки почти новый и дорогой бюстгальтер, купленный в «Березке». Он летел на моих глазах, крутясь и «порхая», и упал на самую середину подъездной крыши, где я его хорошо видела со своего двенадцатого этажа. Что делать? Жалко мне стало свою «эксклюзивную вещичку», и я побежала вниз. Дежурил как раз дядя Вася. Я поведала ему о своей потере, и он решил мне помочь.

– Пойдем на второй этаж, попросимся в квартиру над подъездом и попробуем достать, – он запнулся, – твое белье.

Дядя Вася взял в подсобке подъезда длинную двухметровую палку с крючком на конце (видимо, для таких примерно случаев), и мы пошли на второй этаж. В квартиру нас пустили, чуть-чуть хихикнули, услышав про то, что упало на крышу, и дядя Вася, высунувшись из окна, которое не так уж и низко над крышей располагалось, стал, словно удочкой рыбу, цеплять мой бюстгальтер на крючок. Минут через десять упавший предмет был зацеплен и торжественно втянут через окно.

Сейчас, сидя на диване в подъезде, я рассказала ему о том, что потеряла ключи, и он спросил,

– А ты помнишь, как ты их туда, в сумочку, положила-то? Кто дверь-то закрывал? – Тут я стала восстанавливать в памяти картину нашего отъезда, а дочка сказала,

– Мама, не ты же дверь закрывала, а папа.

– Ой! – воскликнула я. – Теперь вспоминаю: муж закрывал, наверняка по привычке положил ключи в свой карман. Мне он точно их не передавал. Ужас! Катастрофа! Где он – и где мы?!

– А где он? – спросил дядя Вася.

– В самолете и уже летит, – сказала я, посмотрев на часы.

– Далеко?

– В Вену, с концертами. Ужас! А свои ключи небось, как всегда, в шкафу забыл... Балда!

– Мама, сейчас он и правда балда, но всегда очень даже не балда, а очень даже умный, правда? – спросила дочка.

– Оч-чень умный! Где мы с тобой ночевать будем? Тебе же завтра в школу? Кошмар! – Я заплакала от того, что, сидя около своей квартиры, должна суетиться и обзванивать друзей и знакомых, чтобы переночевать, да и как изменить эту ситуацию завтра, я не имела ни малейшего представления.

– А надолго он улетел-то? – спросил дядя Вася.

– На две недели! – я снова заплакала, а потом замолчала, обдумывая свое новое решение. На столе у вахтеров стоял телефон. Я подумала, что если вдруг вылет задержался, то есть шанс что-то предпринять. Я набрала 09.

После долгого соединения с аэропортом я изложила работнице аэропорта свою ситуацию.

– Ничего нельзя сделать, – был ответ, – самолет уже взлетел. – Я подумала, что, может, мой муж мог бы передать ключи кому-нибудь там, в аэропорту Вены. Уж два-то дня я переночую с дочкой у друзей, пока прилетят ключи.

– Девушка, нельзя ли соединиться с самолетом и хотя бы передать моему мужу, что мои ключи у него в кармане и чтобы он их передал кому-нибудь в венском аэропорту, кто летит в Москву?

– Нет, связь с бортом предназначена только для внутреннего пользования. Извините, вы мешаете мне работать.

– Ну вот! Все! – Я надолго замолчала, обдумывая, что делать дальше. Молчание нарушил дядя Вася.

– Слушай, остается только одно – бежать в пожарную часть. Они через окно к тебе забегутся и найдут ключи, которые муж дома оставил.

– А у нас двенадцатый этаж, вы забыли?

– А у них лестницы-то на что? Это же пожарные, они куда хошь залезут!

– А далеко это? – Я уже цеплялась за малейшую возможность попасть домой до конца дня.

– Да нет, пешком дойдешь за десять минут. Давай, беги, пока еще светло.

Поразмыслив, что поехать ночевать к кому-нибудь из друзей я еще успею, а пожарная часть недалеко, я решила попытать счастья, и мы с дочкой быстрыми шагами поспешили по указанному адресу.

* * *

В проходной нас встретил молодой служащий пожарного отделения и после моего короткого объяснения сказал, что мне нужно к начальнику, и показал, как пройти. Войдя в кабинет, я увидела двух военных в форме, сидящих за письменными столами, и, не разбираясь в чинах и званиях, обратилась сразу к двоим.

– Помогите! Прошу вас! Муж с моими ключами в самолете, его ключи в запертой квартире, мы с ребенком на улице, дочке завтра в школу, а мне на работу.

– Успокойтесь. Где вы живете? – спросил один из военных.

– Рядом, дом двадцать пять.

– Какой этаж?

– Двенадцатый. – Пожарные начальники переглянулись.

– До двенадцатого лестница не достанет, только до десятого. Соседи над вами дома? – оба военных по очереди задавали мне вопросы.

– Можно я им позвоню? – на столе стоял телефон, и я набрала номер соседки, которая жила надо мной.

– Да, дома, – ответила я. Военные переглянулись.

– Ну что, поможем девушке?

– Так, сейчас мы отправим с вами двух наших служащих. Один спустится в вашу квартиру с тринадцатого этажа, войдет, найдет ваши ключи и откроет вам дверь. Сразу после того, как вы войдете, он должен нам позвонить. Все ясно?

– Да, спасибо большое, я вам так благодарна, что вы мне не отказали в помощи и вошли в мое положение! Спасибо большое! – повторяла я.

Один из начальников позвонил по телефону, и через минуту в кабинет вошли двое молодых пожарных. Первый был крепкий парень, лет двадцати с небольшим, одетый в гимнастерку, сапоги и зеленую телогрейку, а второй – совсем юный солдатик – был в длинной шинели и меховой шапке с эмблемой. Получив распоряжение о помощи женщине с ребенком, они сказали: «Есть!» – и мы вместе вышли из кабинета.

На улице уже темнело и шел пушистый мягкий снег. Подойдя к дому, крепкий парень в телогрейке попросил меня показать мой балкон-лоджию.

Он долго смотрел вверх, затем вниз, потом мы вошли в дом. Дядя Вася, увидев моих спутников, обрадовался, что подсказал мне правильное решение.

– Вот-вот, ребята, помогите двум моим барышням, а то как же так: муж, понимаешь, уехал и оставил их без ночлега. Вот молодцы, вот молодцы! – Поднявшись на мой этаж, крепкий парень попросил показать, где расположена квартира, и оставил молодого солдатика стоять около моей двери, а мы опять пошли к лифту. На верхнем этаже нам открыла дверь соседка, хорошо меня знавшая и по телефону предупрежденная мной о цели нашего визита. У нее уже было испуганное лицо, и она стала говорить, что ругает себя за то, что согласилась на такую рискованную затею. Пожарный, не слушая ее причитаний, быстро спросил:

– Где балкон?

– Сюда, сюда, – засуетилась соседка, заохала и запричитала. Пожарный очень коротко ей объяснил, что она мешает ему работать и что если ей страшно, пусть уйдет в другую комнату. Парень вышел на балкон, свесился и посмотрел вниз на мой.

– У вас окна закрыты или будем разбивать? – спросил он.

– Я всегда оставляю длинную фрамугу приоткрытой, – ответила я.

– Это хорошо. Так. Теперь все молчат и не произносят ни звука. Ясно? Я начинаю работать.

Соседка все-таки поглядывала из коридора на происходящее, вытянув шею, а я стояла в комнате и видела, как парень прикрепил канат со сложным креплением к балконному ограждению, и, обвязав себя широкой металлической цепью, которую достал из сумки, стал ее крепить на себе. Обмотав себя два раза и прикрепив цепь к металлическим планкам на ремне, он стал крепить два ее конца. Первый конец он прикрепил к батарее центрального отопления в комнате, представлявшую собой в то время тяжеленую чугунную «гармонь», а второй конец пристегнул к металлическому каркасу лоджии у самого пола. Потом он перекрестился, перекинул ногу через парапет и, ухватившись за укрепленный канат, стал медленно скрываться за нижней границей лоджии. Все в доме замерло...

Через минуту мы услышали голос пожарного:

– Есть! Я здесь. Окно приоткрыто, я залезаю... Спускайтесь и подходите к вашей двери.

Мы с дочкой побежали к нам на этаж. Перед нашей дверью по-прежнему стоял солдатик в шинели и шапке, он тихонько переговаривался с тем, который был уже в квартире.

– Он не знает где лежат ключи, и ждет вас, – сказал солдатик.

– Я сама точно не знаю, потому что мой муж каждый раз кладет их то туда, то сюда. Подходите к серванту в гостиной, и начнем с первого ящика, они там бывают, я их там видела, – крикнула я из-за двери.

– Нет, в этом ящике их нет – тут только бумаги какие-то.

– Следующий ящик! – я называла все ящики подряд.

– Нет, здесь только белье... – Видимо, под «бельем» парень подразумевал лежащие там скатерти, столовые полотенца и салфетки.

– Да нет, в котором «белье» – это внизу, а вы смотрите в ящике справа!

– Есть... есть какие-то ключи: один большой и два маленьких...

– Да, да, это они и есть, берите их и идите к двери! Открывайте нижний замок большим ключом!

Замок защелкал, и дверь открылась. Пожарный, который открыл дверь, был весь мокрый и попросил воды.

– Да я вам сейчас чай налью и чем-нибудь вкусеньким угощу, – сказала я.

– Нет, ничего не надо, только воды и позвонить.

Я принесла им обоим воды и показала, где стоит телефон. Доложив по всей форме начальнику, ребята стали собираться в часть. Я принесла деньги и хотела незаметно сунуть их тому, кто спускался сверху, но он помотал головой и сказал, что он на службе.

– Ну как же так? Я даже и не знаю, как вас отблагодарить, – заволновалась я.

– Нет, мы спешим, нам надо идти. – Он стал собирать свои вещи в сумку.

– Передайте вашему начальству большое спасибо от меня. Я им благодарность в письменном виде напишу за то, что они вас ко мне послали.

– Нет, не надо! Они же это просто так, неофициально сделали.

– Жалко! Они же так людям помогают! – Я была в растерянности, потому что в первый раз мою «благодарность» наотрез отвергли.

– Да, не всем... помогают... Тут недавно две бабки дверь захлопнули. Приходили, просили в окошко залезть, так они их... в милицию послали, – ребята собрали вещи и пошли на выход.

– Возьмите хоть шоколад, съешьте по дороге. – Они заулыбались и с удовольствием взяли большую плитку швейцарского шоколада, привезенного мужем с очередных гастролей.

А утром следующего дня мне позвонил неизвестный мужчина из аэропорта и сказал, что привез мне мои ключи...

«Дорогой доктор!», или Записки пациента

Повесть

Глава 1

Доктор... Человек этой профессии сопровождает нас по жизни от первого вдоха до последнего выдоха... Доктор – это слово неизменно вызывает множество эмоций: от огромной благодарности вылечившихся пациентов до пациентов, ожидавших от лечения большего. И у каждого из нас есть свой любимый доктор, которого мы будем советовать каждому, и доктор, которого не порекомендуем никому.

Лично я испытываю к врачам чувство безграничного доверия, я бы даже сказала, благоговения, так как сколько бы мы ни читали медицинских энциклопедий, описывающих то или иное заболевание, сколько бы ни рылись ныне в Интернете, ища ответы на тревоги по поводу своего здоровья, мы никогда не сложим тот пазл, который сложит доктор, зная о причинах того или иного симптома все.

Доктор нужен всегда: кому-то планово, кому-то экстренно, а кому-то внезапно... И в этом уникальность профессии и уникальность врачей, которые в определенных ситуациях нам ближе самых близких и любящих нас людей.

Я – среднестатистический пациент. Обращаюсь к докторам чаще профилактически, так как слежу за своим здоровьем, ну и конечно, в случаях сбоя в той или иной системе организма. И пусть простят меня доктора-женщины, но я с большей охотой выбираю докторов-мужчин. У них, как и у докторов-женщин, тоже есть семьи, дети, но им не звонит в кабинет во время приема обиженный кем-то в школе ребенок, после чего женщина-доктор начинает нервничать и ты, чувствуя, как твои проблемы отходят на второй план, сбиваешься с мысли. Как женщина я ее очень хорошо понимаю, но все же меня это всегда немного напрягает. Или звонок подруги, переключающий доктора на другую эмоцию. Конечно, каждый доктор может быть вызван по срочному делу или к нему могут зайти коллеги, и это нормально и воспринимается как профессиональная необходимость. Может, у других пациентов все как раз наоборот и гораздо лучше складываются отношения именно с женщинами-докторами.

Был у меня с доктором-женщиной просто анекдотичный случай в одной из клиник, где я собиралась наблюдаться. Пришла я на первый прием к терапевту. Меня сразу насторожило, что в коридоре этой клиники не было ни единого посетителя, и девушка-регистратор, быстро оформив карту пациента, направила меня в нужный мне кабинет.

В кабинете за компьютером сидела молодая доктор лет тридцати. Не взглянув на меня, она взяла протянутую мной карту и стала задавать мне вопросы, тщательно выстукивая мои ответы на клавиатуре изящными пальчиками с длинными ноготками и ярким маникюром. Каждый вопрос она начинала с одной и той же фразы: «А скажите мне, пожалуйста...». Мне сразу стало как-то некомфортно, и в голове начала крутиться навязчивая фраза:

«Толку не будет». Затем, не отрываясь от компьютера, она рассказала мне, какие анализы я должна сдать и какие кабинеты посетить, и выдала мне направление на ЭКГ в кабинет, расположенный рядом, в котором тоже пациентов не оказалось. Во время проведения кардиограммы, а лежала я за ширмой, моя доктор два раза вбегала в кабинет и нервно спрашивала у коллеги, проводившей обследование, готов ли результат. Я не могла понять, к чему такая спешка. Может быть, в шутку подумала я, еще один пациент пришел? Когда я вышла в коридор, увидела – да, сидит одинокий мужчина, правда, у другого кабинета. Захожу к терапевту. Все так же, не поднимая глаз, доктор вежливо просит меня... выйти, объясняя это тем, что ждет

другую пациентку с результатом ЭКГ... то есть меня! Возникла пауза. Моя доктор, вдруг впервые оторвавшись от компьютера, устремила на меня свой взор. Наверное, выражение моего лица было даже красноречивее руки с протянутой кардиограммой, так как доктор сразу засуетилась и стала объяснять, что очень много пациентов и запомнить всех очень трудно!

«Да, – подумала я, – особенно сегодня». Затем, выслушав невнятный комментарий по ЭКГ и совет опять же поторопиться с обследованиями, я вышла из кабинета.

Я так и не поняла, что это было, но больше я в эту клинику – ни ногой!

Но я расскажу о двух докторках-женщинах в «истории моей болезни», которые уникальны в своей профессии и заслуживают особого повествования. Но об этом – чуть ниже.

Глава 2

Я всегда считала, что медицина – наука точная: есть доктор, есть симптомы, есть диагноз, есть лечение. Никогда не обращалась, хотя добрые люди и советовали, к околонучным лекарям, якобы исцеляющим какими-то не очень понятными, но очень действенными методами. Я не опровергала случаи подобного исцеления, но и не вникала в их сущность. Если что-то в этом и есть, то пусть человек обращается к таким лекарям, это его право, но сама глубоко верила только в научную медицину.

Вот и тогда, когда я обнаружила у себя на спине бугорок под кожей, которого раньше не было, поспешила в косметологический институт, или, как его еще называли, институт красоты. Там работал известный на всю Москву онколог. Звали его Александр Александрович, а среди пациентов и даже врачей он был просто Сан Саныч. Это был мужчина среднего возраста, худощавый, серьезный, немногословный. Скольким людям он помог избавиться от комплексов из-за врожденных дефектов кожи – от опасных образований до просто неэстетичных. Очереди к нему были огромные. Я записалась к нему на прием, и за время ожидания, а принимал доктор только два раза в неделю, мой муж мне сказал, что этот бугорок под кожей значительно подрос.

И вот я наконец в кабинете у Сан Саныча. Как всегда, не слушая долгих объяснений, он говорит: «Покажите», и взяв лупу, полминуты рассматривает мой бугорок. Потом говорит, что это доброкачественное образование, которое надо удалить хирургическим путем, то есть вырезать, и дает мне направление к хирургу. Кабинет Сан Саныча находился на втором этаже, а кабинет хирурга на третьем. По счастью, хирург принимал в это же время, и, поднявшись на третий этаж и переждав двух посетителей, я вошла в его кабинет.

Хирург был невысокий, плотный мужчина лет сорока. Прочитав направление, он стал рассматривать мой бугорок. Я стояла к нему спиной и чувствовала, как он несколько раз дотронулся до него, потом как бы очертил вокруг него круг и опять слегка коснулся. После этого он сказал, что мне надо сдать определенные анализы для операции, и поскольку это был вторник, назначил операцию на следующий понедельник на девять часов утра. За два дня я посетила нужные мне кабинеты и лаборатории, и к пятнице все анализы были готовы. Вечером, когда я стояла в ванной комнате у зеркала и вытиралась полотенцем после душа, мой муж, подойдя ко мне, вдруг спросил:

– А где?

– Что «где»? – спросила в свою очередь я.

– Где твой бугорок? – Яподумала, что муж решил, как он часто это делал, подшутить на до мной.

– То есть как «где»? Что ты имеешь в виду?

– То, что его нет, – и он погладил рукой по тому месту, где был бугорок.

– Вот, абсолютно чисто, – сказал он и дал мне зеркало, чтобы я увидела себя со спины.

На моей спине действительно не было ни-че-го! Гладкая кожа, без единого намека на какую бы то ни было выпуклость.

С трудом пережив субботу и воскресенье, я еду в институт и сразу вбегаю в кабинет к Сан Санычу.

– СанСаныч, вы экстрасенс? – с порога почти кричу я.

– А что случилось? – Он с удивлением посмотрел на меня.

– У меня на спине ничего нет, гладко!

– Это не ко мне, – сказал Сан Саныч, внимательно посмотрев на меня. И подняв вверх свой длинный и тонкий палец, указал мне на третий этаж.

– Это – к нему...

Я побежала наверх, но день у хирурга был операционный и мне его увидеть не удалось... По молодой глупости я скоро забыла об этом неординарном случае и больше к хирургу не зашла, чтобы рассказать ему о замечательном исцелении и поблагодарить. Но однажды опять же случай свел меня в кругу друзей с новой знакомой – приятной девушкой, которая проработала в этом институте операционной сестрой несколько лет. Я спросила ее, знает ли она такого хирурга?

– А как же. Это не простой доктор. У него золотые руки и удивительные сверхспособности. Но он из этого института ушел, и где он сейчас, я не знаю.

Я попросила ее, если она вдруг его встретит, передать ему благодарность от пациентки, ощутившей на себе его удивительную способность исцелять и знать нечто такое, о чем не написано в учебниках.

Глава 3

Продолжая тему о сверхспособностях, правда, я не совсем уверена, что правильно называю то, чего осмыслить мне не дано, вспоминаю еще один случай, произошедший со мной. Я была молодая работающая мама, и заморочек было много. Опять же, конец восьмидесятых. Сумбур во всем: в голове, в делах, в финансах. Как известно, медицина переживала не лучшие свои времена. Но была тогда и есть сейчас Альма-матер медицины – это, как мы ее называем, Пироговка. Это сосредоточение медицинской науки, клиник, вузов и одновременно городок студентов-медиков в центре Москвы. Там работали и работают сейчас лучшие специалисты в области медицины.

В какой-то момент моей суетной жизни я вдруг почувствовала себя некомфортно: утром странное чувство вялости и потеря свойственной мне энергичности, а вечером – полный упадок сил и невозможность сделать обычную домашнюю работу. Так продолжалось два или три дня, и я решила измерить температуру. Утром термометр показал 37,2.

Я глотнула таблетку, и день продолжился как обычно. Но вечером мне стало опять хуже и уже – 38. Утром я пошла в районную поликлинику к терапевту.

Терапевты у нас менялись часто, и на этот раз наш участок вела новая молодая доктор – симпатичная девушка, видимо, недавно приступившая к врачебной практике. Она мне понравилась умением вести диалог и внимательным отношением к моим жалобам. Я получила больничный лист, направления на анализы и медикаментозное лечение. Принимая таблетки и чувствуя, что мое состояние не улучшается, я мерила температуру утром и вечером. Показания градусника словно застыли на мертвой точке: утром – 37,2, вечером – 38. Состояние не улучшалось, температура не сдвигалась ни в одну, ни в другую сторону. Терапевт назначила другие таблетки и еще пару обследований: рентген и еще что-то.

Состояние все то же, температура все та же. Больничный мне закрыли, так как опять все обследования показали норму. И опять утром я плетусь на работу с температурой 37,2, а вечером валюсь в постель с 38. И так три недели. Я уже в панике. Опять стучусь в кабинет к терапевту. В ответ – сочувствие и рекомендация обратиться еще «куда-нибудь», так как по результатам обследований я абсолютно здорова.

Я была в состоянии загнанного в ловушку беспомощного существа, исчерпавшего все свои силы и не видящего впереди надежды на какой-либо выход из сложившейся ситуации. И тут я вспоминаю про свою хорошую знакомую – жену коллеги моего мужа. Мы не были близкими подругами, но иногда созванивались и встречались на общих мероприятиях. Она была врачом-отоларингологом и работала в ЛОР клинике на Пироговке. Мы всегда общались легко и весело, так как она была женщиной оптимистичной и удивительно остроумной. В очередной раз развеяв все мои опасения и тревоги, она сразу сказала, что есть одна доктор, которая, как ей кажется, может мне помочь. Позвонив мне через пару дней, она сказала, к кому мне прийти, куда и во сколько.

Это была одна из клиник на Пироговке. В назначенное время я подошла к кабинету, где была табличка с фамилией врача, и, постучав, вошла. Доктор стояла в центре кабинета и приветливо улыбалась. Бывают люди, которые покоряют тебя моментально. От этой женщины исходило какой-то свет и тепло, обволакивающие тебя и проникающие в твое подсознание. Это была приятная, средних лет, в меру полная шатенка с аккуратной стрижкой. Весь облик ее внушал абсолютное доверие и расположение. Я поздоровалась, но вместо ответа услышала ее мягкий грудной голос и речь, звучащую как бы нараспев:

– Кака-а-я краси-и-ва-я де-е-воч-ка ко мне пришла-а!

От неожиданности я забыла, с чего начать повествование о моих злоключениях, но доктор сама подошла ко мне и спросила:

– Что случи-и-лось?

Я вкратце изложила свою ситуацию про застывшую температуру и тот замкнутый круг, в который я попала. И вдруг доктор говорит:

– Так, с этого момента градусник выбрасываем и температуру больше не меряем. У нас все прекрасно, да и не может быть иначе у такой красивой и стройной девочки.

У меня внутри смятение. Я говорю: «Хорошо» и улыбаюсь глупой улыбкой.

После этого доктор провела рукой по моему позвоночнику и, развернув меня лицом, проверила шею и ключицы. Все...

Я шла по Пироговке немного взбудораженная, но впервые за этот месяц в хорошем настроении, шла как-то легко и, забрав ребенка из детского сада, пришла домой. Домашние заботы поглотили меня, и только перед сном я поняла, что не мерила температуру. Вспомнив слова доктора, я засомневалась, но интерес взял свое. Ставлю градусник. Через десять минут проверяю – 36,6. Я не поверила своим глазам, но чувствую, что нет уже привычной слабости, вечер, а я полна сил и энергии. Что это, думаю? Не может быть! Ведь никаких особенных рекомендаций не было – только приятное общение...

Если честно, то и сейчас для меня это загадка, хотя предполагаю, что это был психологический перелом моего заклиненного состояния, выполненный потрясающим врачом, одной ей доступными методами воздействия на человеческую психику. Потом я встретила еще несколько достаточно авторитетных человек, побывавших на приеме у этой замечательной женщины, говоривших о ней только в превосходной степени.

Это была первая женщина-доктор, о которой я обещала рассказать.

Глава 4

Так сложилось, что моя семейная ситуация разделила мое существование на жизнь здесь, в Москве, и на жизнь в Германии, в городе Ганновер. Проводя большую часть времени в Москве, я скучаю по своим родным в Ганновере, а живя там, рвусь к своим привычным делам в Москве. Случалось мне обращаться и к немецким врачам. Сама система приема пациента и общения с ним приятно удивила меня с первого же визита. Доктор всегда встречает пациента с улыбкой, вставая и протягивая руку.

Затем минуточку-две разговор «ни о чем», вроде дружеской беседы, после этого начинается разговор по существу проблемы. Вся документация и анамнез поступают к доктору уже в подготовленном виде через секретаря, находящегося в соседней с кабинетом комнате. Секретаря пациент посещает за 15–20 минут до времени приема специалиста, оставляя там все имеющиеся у него результаты обследований. Иногда я приезжаю к немецким докторам уже с готовыми снимками и МРТ, сделанными в Москве. И что интересно! В Москве я ухожу от врачей, часто чувствуя себя больной, удрученной, с ощущением беды или, что еще хуже, с угрозой неминуемой операции. В Германии я выхожу из кабинета врача здоровая, веселая, с успокоенными нервами и с прекрасным настроением.

Так было и тогда, когда, сделав МРТ шейного отдела позвоночника, нейрохирург в Москве порекомендовал мне операцию. Но я отказалась и, пройдя курс определенных процедур, забыла про дискомфорт в шее. Через год я сделала новое МРТ-обследование, и этот же нейрохирург сказал, что стало еще хуже и операции не избежать. Я взяла эти два снимка МРТ с разницей в год, заранее записалась на прием к специалисту и поехала в Ганновер.

Надо отдельно заметить, что немецкие врачи сами по себе являются примером для пациентов: они в прекрасной физической форме, ухожены, подтянуты, чаще всего высоки и стройны. Мне приходилось больше общаться с молодыми докторами, но и врачи в возрасте выглядят не хуже: удивляют своей статью и спортивной выправкой. Однажды во время моего пребывания в Германии мы разговорились с друзьями о немецкой медицине. Выяснилось, что все немецкие врачи – отличники, у нас они называются «золотые медалисты», что троечникам в этой профессии делать нечего. Троечник – он и в Германии троечник, хоть и система оценок от высшей – единицы до низшей – пятерки. А ведь действительно, подумала я.

Кто такой отличник в школе? Это обладатель врожденного аналитического ума. Это ученик с потрясающей работоспособностью, с жадной познать больше и, наконец, со стремлением быть лидером. Постичь медицинскую науку без этих качеств просто невозможно. У нас, я думаю, если троечники и поступают чудом в медицинские вузы, то отсеиваются по мере освоения этой науки, так как не справляются с обилием новых знаний или при встрече с самой сущностью медицины, которая не для всякой нервной системы и психики удобоварима. Ну а если троечник опять же чудом медицинский вуз заканчивает, то жаль больных людей, которые становятся его пациентами.

И вот я в Ганновере, на приеме у нейрохирурга с двумя моими снимками МРТ с разницей в год. Улыбчивый доктор расспросил меня о Москве: он бывал в России, и ему было приятно это вспомнить. Затем, проверив все мои реакции – стоя, сидя, лежа, прикрепил к подсвеченному экрану оба моих снимка МРТ и надолго замолчал, внимательно их изучая. Потом повернулся ко мне и сказал, что у меня нормальный шейный отдел и что разница между двумя этими МРТ – только дата на этих снимках, и слово «операция» я должна забыть как страшный сон. Затем, когда мы уже начали прощаться, он вдруг опять попросил снимки, опять поставил их на экран, еще пару минут смотрел на них и, возвращая их мне, улыбнулся и пожал мне руку.

Глава 5

Стоматология – это вообще наше все. Это особое место в медицине, и найти хорошего профессионала, а каждый из нас ищет именно такого, задача не из легких. К сожалению, не все попадают в хорошие руки и часто расплачиваются не только крупными суммами, но и собственными зубами.

И теперь настало время рассказать о второй уникальной женщине-враче, безгранично влюбленной в свою профессию и в своих пациентов. А открыл эту удивительную женщину для нашей семьи мой муж. Он всегда трепетно относился к своим зубам и очень тщательно выбирал врача-стоматолога. В это время у нас появилась сеть так называемых хозрасчетных стоматологических клиник. Вижу – зачистил мой муж в одну из них. Через некоторое время приходит и, сверкая белоснежной улыбкой, рассказывает, что записал и меня на прием к потрясающему врачу. Разумеется, мне тоже захотелось иметь такую красоту во рту. Как раз в те годы произошла революция в стоматологии: впервые стали применять композитные материалы для реставрации зубов. Зубы на глазах превращались в ровные, однородные, сверкающие полированной поверхностью украшения пациента, при этом оставаясь живыми. У меня были плохонькие с детства зубы, залеченные до состояния «лучше не трогать» еще в советских поликлиниках, и я пошла на прием, сомневаясь, что за меня вообще возьмутся.

Бывают люди, которые располагают к себе сразу, и не разговорчивостью и желанием понравиться, а чем-то другим, я бы сказала, проникающей в тебя уверенностью, исходящей от них. Именно это чувство посетило меня при первом общении с новым стоматологом. Будучи уже знакомой с моим мужем, доктор встретила меня, как хорошую знакомую. Это была молодая женщина, обаятельная и ухоженная. Осмотрев мои многострадальные зубы долго и придирчиво, она сразу сказала, что лечить надо практически все, даже залеченные ранее зубы. Я ходила к ней в кабинет, как на праздник: во-первых, впервые меня лечили с обезбоживанием, во-вторых, я чувствовала в этой женщине, при всей ее внешней хрупкости и нежных тонких пальцах, необычайную силу в руках и напористость в характере. Работала она вдумчиво, объясняя мне проблему и свое решение по каждому зубу. Она боролась за каждый зуб, реставрируя и выправляя его, и спасала каждый корешок, на который можно было надеть коронку. Однажды в процессе лечения ей нужно было отделить здоровую часть зуба от уже разрушенной, чтобы надеть коронку на здоровую половину дальнего зуба. Для этого (о ужас!) этот зуб надо было распилить пополам и удалить большую половинку. Доктор направила меня к хирургу. Этот хирург, мужчина лет шестидесяти, с богатым опытом работы в стоматологии, сказал, что делать этого не станет, так как не хочет брать на себя ответственность за результат столь серьезной манипуляции. И что в этой ситуации делает моя доктор?

Надо сказать, что к этому времени мы были уже в достаточно доверительных отношениях, а человек она во всех проявлениях неординарный – моя доктор, усадив меня в кресло, со словами:

«Не волнуйтесь, я еще и хирург!» – блестяще проводит мне эту операцию по высшей категории хирургического мастерства, быстро и безболезненно, на глазах изумленного хирурга, который ей ассистировал. И этот зуб не беспокоит меня и по сегодняшний день. Через месяц я уже была обладательницей ровных и красивых зубов и чувствовала себя просто звездой Голливуда.

Много лет с тех пор у нас с мужем не возникала потребность обращения к стоматологу, но мы жили с чувством спокойствия, так как знали, что в случае чего есть замечательный доктор, и только она и никто другой...

И вдруг, когда понадобилась помощь, мы узнаем, что в этой клинике она больше не работает. Катастрофа! Мобильников тогда еще не изобрели, а домашнего телефона у нашего

доктора не было – она жила в Московской области. В клинике нам сказали, что она сменила адрес и место работы и координат своих не оставила. Что делать? Мы в полном смятении наводим справку за справкой. Все безрезультатно. И вдруг, словно в хорошо отрежиссированном фильме, мы случайно встречаемся на бензозаправке.

Мы, не веря в такую удачу, стали наперебой спрашивать:

– Где вы сейчас? Как вас найти?

Она была очень возбуждена, потому что именно в этот день выиграла конкурсный отбор в одну из престижнейших, по тем временам, клиник Москвы, где претендентов-стоматологов была тысяча человек на одно место.

– Да кто же, как не вы? – хором воскликнули мы. Она заторопилась, и мы попрощались, обменявшись телефонными номерами. В прекрасном настроении от встречи мы продолжили свою поездку, радостные и в который раз благодарные его величеству случаю!

Прошли годы, и сейчас она уже заведующая отделением в той же клинике, все такая же ответственная за каждого пациента. Она рассталась со вторым мужем, который, как и первый, не принял ее профессионального фанатизма.

Ушли из жизни родители, о которых она заботилась до последних дней. Так и не завела детей, о чем очень теперь сожалеет. Она все так же ухоженна и моложава и целиком посвящает себя любимой профессии. А около ее кабинета всегда сидят пациенты, часто при полном отсутствии их около других.

Она, как всегда, не укладывается в отпущенное каждому время, но они терпеливо ждут, прекрасно понимая, что такое мастерство и такие руки не терпят суеты и сочетаются только с большой ответственностью и с огромной любовью к верящим в нее пациентам.

Гений в перышках

Рассказ

Звонок в дверь. Открываю. Моя дочка и ее одноклассник держат в руках большую клетку.

– Вот, купили мне, – сказала дочка и стала водворять клетку в прихожую. Я, конечно, люблю животных, да и в детстве у нас с братом был песик, которого мы очень любили и который прожил у нас до старости, но всякий раз вспоминая, как мне было плохо, когда его не стало, я зареклась: питомцев не заводить больше никогда!

– Где купили? – спрашиваю.

– На Птичьем рынке.

И вот я вижу: сидит что-то маленькое, голубенькое, с зеленым хвостом на жердочке. При каждом приближении к клетке – мечется, пугается и яростно машет крыльями. Что с ним делать, не знает никто, и наши покупатели в том числе. Открыли дверцу, насыпали в лоточек корм из маленького пакетика, который дали на рынке, и сели думать: что делать и как назвать.

– Давайте назовем его Кеша! – сказала дочка.

– Ну, Кеша – это очень банально, лучше Эдик, – сказал мой муж. Посыпались предложения: Жорик, Вовик, Матвей и даже Петрович...

Наш волнистый попугайчик затих и сидел, уткнувшись носиком в крыло. И вдруг меня осенило:

– Гоша! Какое милое, ласковое, домашнее и очень подходящее для этого создания имя!

– А главное оригинальное, – одобрил меня муж. И все дружно подхватили:

– Вот-вот, то, что надо. Вот оно. Гоша, конечно, Гоша.

Наш Гоша оказался большим любителем поесть. Корм из пакетика съел быстро, яблоки и хлеб, что мы положили в лоточек, тоже. Нужно было срочно ехать за «детским питанием» в зоомагазин, которых было не так уж много в то время. Наш Гоша все это время метался по клетке, будто всю свою маленькую жизнь наслаждался свободным полетом в австралийском лесу. Мой муж, с присущей ему оперативностью, возвратился очень быстро.

Но увидев его, я заметила загадочную усмешку в его глазах. Не говоря ни слова, он протянул мне коробку с кормом...

На коробке было написано: «Корм для волнистых попугаев».

И крупными буквами: «ГОША».

К нашему общему удивлению, Гоша быстро стал осваиваться у нас в квартире. Мы приглядывались друг к другу, и надо сказать, стойкость характера и напор наш новый житель проявлял гораздо настойчивее, чем мы. Поселился Гоша у нас в очень беспокойное время: шел большой ремонт. Естественно, что во всей этой истории для нашей дочки самым интересным моментом был поход на Птичий рынок и покупка попугайчика. Все заботы о нем легли, само собой, на наши с мужем родительские плечи.

Наш Гоша проявлял себя все интереснее, и через некоторое время мы почувствовали, что у нас появился ещё один член семьи. Во-первых, он сразу дал нам понять, что его клетка в доме – это место для еды и сна, но ни в коем случае не для бесцельного сидения в ней и созерцания того, что творится в мире. Мы с мужем люди сердобольные, и смотреть, как он мечется по клетке, вопит, возмущаясь несправедливостью и требуя свободы, мы не смогли. Поэтому весь день клетка была открыта, и появлялся он в ней только по собственному желанию.

Во-вторых, нас потрясло, уж не знаю, как и назвать, проявление интеллекта, что ли, в этой малюсенькой бело-полосатой головке: наш Гоша думал, принимал решения и неизменно добивался того, чего хотел. Хорошо изучив планировку квартиры, он, как самолетик, носился по ней, четко находя свою клетку, которую из-за ремонта мы постоянно переставляли. Плюс

к этому, где-то месяца через три, мы стали замечать в его непрерывном причмокивающем речевом потоке звуков ярко выраженные слова и выражения, как то:

– Кра-а-сить, кра-а-сить! Сто-о рублей! Го-о-щечка! Ставь сюда-а!

Причем мы четко слышали разделение голосов на тоненький женский и басовитый мужской. Тоненьким в Гошином исполнении говорила я, а басовитым – мой муж. Тоненький в основном включал фразы из моих разговоров с ремонтниками, а басовитый отвечал за материальную сторону того же процесса.

После всего этого мы окончательно поняли, что наш Гоша – гений!

Зеленый хвостик Гоши оказался обычным голубым. Видимо, продавец покрасил его зеленкой для придания ему большей экзотики, но краска эта вскоре облезла. Как говорили наши друзья, приходившие к нам в квартиру во время ремонта:

– Теоретически конец возможен, но практически маловероятен...

Но наконец, свершилось! И наш Гоша обрел постоянную прописку. Клетку мы поставили у себя в спальне и на ночь накрывали ее большим темным платком. Надо сказать, что процесс укладывания Гоши спать был отработан нами до совершенства, так как загнать его в клетку, гоняясь за ним по квартире, было делом бесперспективным. Мы выключали свет (темноты он боялся и тихо замирал на месте, где сидел), затем дотрагивались пальцем до его лапок, и он сразу послушно переступал на него. Он хорошо понимал, что его день окончился. Когда мы подносили его к клетке, он по прутьям забирался на свою любимую жердочку-качалку, и мы накрывали клетку большим темным платком. Я не знаю, когда Гоша просыпался, но пока в комнате было тихо, он не производил ни шороха, ни звука. Стоило нам что-то сказать или просто громко вздохнуть после сна – в накрытой платком клетке начинался переполох: Гоша метался, кричал, требуя освобождения. Надо сказать, семья у нас творческая и эмоциональная, и иногда мы забывали, что теперь у нас в доме постоянное «недремлющее ухо». К этому времени запас Гошиных слов и фраз был огромен, и каждое утро, борясь за вызволение из клетки, он заливался тирадами, состоящими из выражений литературного жанра... и не очень.

Постепенно мы стали абсолютно точно знать, кто в доме хозяин.

Наша дочка стала выражать нам неудовольствие по поводу того, что мы «слишком много ему позволяем» и что он «вообще уже обнаглел». Мы не спорили, это так и было. Гоша, что называется, сел нам на шею и свесил лапки. Но мы уже слишком полюбили его и восторгались его умом все больше и больше. Некоторые друзья говорили нам, что ему скучно без пары, что обычно попугайчики живут в клетках по несколько штук. Но мы утверждали, что наш Гоша гений, а жены только мешают гениям развивать свою гениальность. Да и Гоша считал своей семьей именно нас и чувствовал себя очень комфортно. Когда он оставался дома один, я, открывая ключом дверь, слышала, как он, летая туда-сюда по коридору, кричал: «Ма-а-мочка пришел, ма-а-мочка пришел». А едва я входила, он прыгал на мою сумку и старался залезть внутрь, зная, что именно оттуда появляются все его любимые вкусности. Еще, что поражало меня и что одновременно, заставляло сомневаться в моих догадках, это то, что казалось: у этой маленькой пташки есть душа. Иначе чем объяснить, что в моменты моего душевного дискомфорта, грусти или просто задумчивости Гоша, на скорости облетев всю квартиру, находил меня, тихо сидящую где-нибудь, садился ко мне на плечо, быстро подбирался к моим губам и, прижавшись к ним теплым носиком, мог просидеть, закрыв глазки, до тех пор, пока я не встану...

К нам часто приходили друзья, и посиделки эти порой проходили на кухне.

Гоша всегда занимал наблюдательную позицию, восседая на высоком холодильнике. Однажды пришла к нам наша знакомая, и к ее приходу я испекла пирог с капустой. Мы сели за стол, я налила всем чай и разложила пирог по тарелочкам. Когда наша знакомая взяла пирог и поднесла его ко рту, Гоша, спикировав прямо на ее пирог, стал рвать его клювом на мелкие кусочки. От испуга она завизжала, пирог выпал из ее рук на стол, а потом и на пол, а Гоша

быстро смылся в неизвестном направлении. Но наша знакомая была девушка с юмором и, слушая наши извинения, она сказала: «Молодец, правильно! Нечего хозяев объедать, когда продуктов в стране не хватает».

Мы посмеялись, а Гоша надолго где-то затих. Появился он только тогда, когда мы, открыв входную дверь, провожали нашу гостью. Гоша летал по прихожей туда-сюда, и я, испугавшись, что он вылетит за дверь, прикрыла ее, пока мы прощались, на что наша знакомая сказала, что он слишком умный, чтобы улетать из такой квартиры, где его так любят и ему все можно. Мы посмеялись и проводили нашу знакомую до лифта.

Гоша продолжал удивлять своей смекалкой, порой ставя нас в ситуацию равных партнеров и частенько одерживая победу. Однажды вечером мы ужинали, и Гоша, как всегда, сидел на холодильнике, без умолку «толкая речь». Я сказала:

– Поздно уже, надо Гошку спать укладывать.

Возникла секундная пауза, и с громким воплем наш Гоша на огромной скорости вылетел из кухни. Мы засмеялись, и муж пошел сажать его в клетку. Через несколько минут он приходит и говорит, что Гоши нигде нет.

– Какая ерунда, я знаю все его места и закоулки и сейчас его быстро найду, – говорю я.

Но через пятнадцать минут поисков я поняла, что его нигде нет. Ищем, зовем: Гоша! Гоша!.. Тишина. Обычно он тотчас же откликался на зов коротким свистом. Сейчас отклика нет... Опять ходим, ищем, зовем. Стали волноваться. Заглядываем под кровать, диваны. Смотрим на всех шкафах – никакого результата. Проверили входную дверь – закрыта. Окна – закрыты.

Даже в туалет заглянули, а вдруг? Гоши не было нигде. В доме была полная тишина.

И вдруг меня что-то словно толкнуло изнутри, и я интуитивно берусь за ручку открытой комнатной двери, прислоненной к стене...

На другой стороне дверной ручки, между дверью и стеной, тихо-тихо сидит наш Гоша, съезжившись в маленький комочек. Я поднесла к нему палец, и он послушно переступил на него своими мягкими лапками. Так же тихо он пошел в клетку и залез на свою жердочку. Было ощущение, что он чувствовал себя виноватым. Ну вот было, и все...

Прошло шесть лет с тех пор, как Гоша поселился в нашем доме. Он все так же был удивительно задорным и радовал нас своими проделками и новыми пристрастиями. Он, например, пристрастился к телевизору и первым делом, выбравшись утром из клетки, летел сломя голову на кухню. Там телевизор удобно располагался, и он мог бегать вдоль экрана туда-сюда, яростно вопить, показывая нам, что его пора включать. После этого он утыкался в него носом и, в зависимости от происходящего, выражал свои эмоции громким свистом или забавными поцелуйчиками.

Вторым его пристрастием стали поездки на дачу. Он любил ездить на машине, и едва клетку переносили из квартиры в машину, он требовал, чтобы его тотчас же выпустили. Сначала мы боялись, но потом, проверяя каждый раз безопасность в салоне, мы открывали дверцу клетки. Гоша выбрал себе лучшее место в машине: у мужа на руле! Он усаживался на верхнюю часть руля, в самую середину, и всю дорогу, переступая лапками в одну или другую сторону при поворотах, с посвистами восторга глядя по сторонам, закатывал умопомрачительные речи. При этом, если играла музыка, а он любил музыку громкую и ритмичную, Гоша выдавал просто настоящий шансон, громко причмокивая и пронзительно свистя. Самое сложное было потом загнать его обратно в клетку, чтобы перенести в дом, но мы научились справляться и с этой непростой задачей.

В доме Гоша сначала чувствовал дискомфорт, но потом быстро освоился и даже научился летать через лестничный проем на второй этаж и обратно.

Все было прекрасно: Гоша по-прежнему удивлял нас своим незаурядным умом. В дверных проемах у нас висели соломенные шторы из отдельных плетеных нитей. Одно время они

считались украшением дачного интерьера. Но Гоша их очень боялся, потому что они все время чуть двигались. Они не нравились ему еще и потому, что, видя нас, он не мог к нам подлететь. Но благодаря им мы могли спокойно поесть в гостиной. Видя уставленный едой стол, по которому он так часто прыгал, залезая носом во все тарелки, и не имея возможности к нему подлететь, наш Гоша начинал нервничать, кричать, подлетать к шторке, пугаясь, отлетать обратно и рваться к нам.

И вдруг однажды на наших глазах он опускается на пол, по полу подходит к шторке и, семеня лапками, аккуратно проходит под ней в гостиную, тут же взлетает и с победным криком приземляется у нас на столе! Мы в легком шоке, пополам с восторгом, кричим:

– Bravo, Гоша! Ай да Гошка! Го-ло-ва!

И он с восторгом клюет еду на нашем столе и пробует все подряд.

Знали бы мы, чем обернется эта его изобретательная проделка, которой мы тогда так восторгались, для него самого и для всех нас...

В очередной раз приехав на дачу, мы занялись делами во дворе, а Гоша летал себе вверх и вниз по дому или занимался любимым делом: обкусывал страницы раскрытых книг или журналов, превращая листы в нечто ажурное.

Была хорошая погода: солнце не жарило, ветра не было, и все нашли себе занятия в саду: муж колот березовые дрова, готовясь к вечернему шашлыку, дочка пропалывала грядки с клубникой, одновременно поедая созревшие ягоды, а я решила подрезать уже отцветающие ветки сирени, и мне нужно было взять в доме острый секатор, которым очень удобно это делать. Я поднялась по ступенькам на открытое крыльцо-веранду. Подойдя к двери в дом, я увидела, что дверь в дом кто-то не закрыл, и она у нас открыта... В проеме двери висела такая же соломенная шторка. Вдруг я услышала за спиной знакомый свист и обернулась... На поручне крыльца сидел Гоша...

Я замерла, внутри побежал холодок, больше всего я боялась, что Гоша сейчас вспорхнет, но он тихо сидел, видимо, испугавшись большого пространства. Я поняла, что он повторил свой трюк со шторкой, потому что опять рвался к нам. Я осторожно подошла к нему и протянула палец, а он так же осторожно пересел на него. Теперь мне нужно было быстро, но не пугая его, пройти с ним три шага до входа. Гоша сидел сжавшись, с прижатыми перьями и казался совсем маленьким. Один шаг... Второй...

И тут вдруг в небе над домом с шумом пролетает самолет. Гоша всем тельцем прижимается к моей руке и, резко оттолкнувшись, с криком срывается и исчезает за углом дома...

Искали мы его долго. Звали, все время надеясь, что он где-то рядом и ему надо помочь. Проверили каждый сантиметр травы вокруг дома, все кусты.

Я надела его любимую красную бейсболку, на козырек которой он сразу прыгал, как только ее видел, и обошла всю округу... Все было напрасно.

Ночью мы тихо сидели без сил и желания что-либо говорить. Каждый из нас думал одинаково: куда же ты, маленький, беззащитный, занеженный и заласканный, рванул в никуда из родного дома?

Больше мы Гошу не видели.

Лешечка Рассказ

Я нашла его случайно. Было начало лихих девяностых. Кругом полная неразбериха. Деньги превращались в ничто просто на глазах, продукты исчезали с прилавков, а нам с мужем очень «повезло»: мы, наконец, переехали в новую квартиру, которую надо было обустраивать. Помимо ребенка, работы и домашних забот я металась в поисках мастеров, красок, обоев, плитки и прочих атрибутов хоть мало-мальски приличного ремонта.

Бригаду сантехников, работавших в одном из московских театров, нам порекомендовали друзья. Два «добрых молодца» работали быстро и с задором. А вот человека, который бы мог прибить-отодрать, приколотить-сломать, снять и повесить, не было. И вот случилось, что он понадобился срочно, на один раз, но именно сейчас, чтобы завтра сантехники могли бы продолжить свою работу. Что делать? Я вспомнила, что около нашего дома есть какой-то строительный объект, и бегом на эту стройку. Ищу кого-нибудь, кто может мне помочь. Смотрю по сторонам. Вижу: сидит на корточках какой-то человек и что-то пилит. Спрашиваю:

– Не подскажете, где найти кого-нибудь, чтобы сделать небольшую работу в соседнем доме прямо сейчас?

Он посмотрел в мою сторону, поднялся. Это был невысокого роста, худощавый, я бы даже сказала, подросткового телосложения мужчина с крупными руками. На вид ему было лет пятьдесят.

– А что надо? – голос у него был тихий.

– Да мне надо срочно прибить планку, а то завтра придут сантехники и не смогут работать дальше. Это рядом...

Он вздохнул.

– Ну пошли...

Мы вошли в квартиру. Я показала объект работы. Он посмотрел. Потом помолчал. Потом опять посмотрел.

– Вот, – говорю, – тут есть какие-то инструменты.

– Нет, мне нужен свой. Я принесу.

Он пришел минут через десять. Сначала он что-то долго вымерял, затем шкурил, потом грузиком на веревочке, называемым в те времена «отвесом», проверял. Затем с ювелирной точностью воспроизвел то, что я его просила сделать. Потом... нашел веник в коридоре и все подмел. Уходя он сказал:

– Плитка в углу положена криво и не по отвесу, и надо бы переделать.

С этого момента я поняла, что с Лешей, так звали моего нового знакомого, я расстанусь не скоро.

* * *

Леша оказался человеком скромным, тихим и очень ответственным. По профессии он был плотник, но как человек, проработавший на стройке более двадцати пяти лет, знал досконально все в строительном деле. В то время на стройках работали в основном за квартиру. Так и Леша, проработав в своей строительной организации положенное количество лет, получил трехкомнатную квартиру в Отрадном на себя, жену, дочь и сына. Дочь вышла замуж и жила с мужем и маленькой дочкой отдельно, а сын жил по-прежнему с родителями.

Ремонт мой потихоньку двигался. Днем работали сантехники, лихо делая свою работу, а к вечеру приходил Леша, делая свою – тихо и не спеша.

Иногда я торопила его: хотелось поскорее закончить этот беспорядок в квартире, на что он всегда отвечал, что «хорошо» быстро не бывает. Я соглашалась, тем более что качество его работы превосходило все мои представления о хорошем.

Сантехники постепенно стали Лешу тихо ненавидеть.

– Ваш Леша – «очень умный», – говорили они, когда я указывала им на ошибки, которые Леша находил в их работе, но всегда переделывали и исправляли все недочеты.

Леша не пил, но очень любил вечером после выполненной работы, собрав инструменты и разложив их в определенном порядке, посидеть с нами за столом и пропустить с моим мужем рюмочку-другую. Был он человек малограмотный, но исходил от него свет добра и терпения к людям. Иногда я, заступаясь за него же, вникая в его житейские ситуации, про которые он мне рассказывал, возмущаясь несправедливостью по отношению к нему, советовала что-то предпринять. Но он всегда говорил, что злом на зло отвечать нельзя, и аргументов против этого у меня не было.

Заключительный этап – малярные работы. Леша привел к нам домой двух молодых симпатичных женщин со своей стройки. Сначала они немного стеснялись, потом я поняла, почему, но знание своего дела в них я почувствовала сразу. Они оказались замечательными профессионалами и приятными в общении, и кроме как «наш Лешечка» они про Лешу не говорили. Уже потом они мне рассказали, как беспокоился и наставлял их Лешечка по дороге ко мне, чтобы они его не подвели и хорошо работали.

Я в то время работала учителем музыки в школе, а муж мой, музыкант, к тому времени уже объездил с концертами полмира. Леша часто слышал интересные истории моего мужа, когда он откуда-нибудь возвращался, а дома рассказывал их своей жене Ульяне. Надо сказать, что Ульяна его тоже была женщина тихая, милая и подходила ему идеально. Она хлопотала по хозяйству, а Леша старался обеспечить семью. Иногда она приходила с ним вместе и помогала мужу в работе, а мне в уборке следов ремонта.

Девушки-маляры рассказывали, что Лешечка у них на работе на доске почета никогда не висит, так как работает медленно, но если начальству надо квартиру или дачу отделявать, то они командируют туда только «нашего Лешечку», потому что им не нужно будет беспокоиться за качество работы. И делал это Леша не потому, что начальству надо было угодить, а просто по-другому никак не мог. Он мне рассказал как-то, что позвали его товарищи по работе подхалтурить. Нужно было поправить старый дом одной пожилой женщине. Ну, поехал он с ними, и поручили ему поправить обветшавшее крыльцо. Он, как всегда, сломал старое и стал делать новое, тщательно подбирая доски на ступеньки и ища новые поручни, которые остались в когда-то новом, а теперь полуразрушенном чулане. Товарищи, увидев это, закричали на него:

– Тебе что сказали делать? По-пра-вить! А ты что делаешь?

– Я так не могу, – сказал Леша, – а если я уеду, и оно опять быстро разрушится? Оно ведь совсем гнилое, а она деньги мне заплатит за работу. Нет, я так не могу. – Товарищи долго его потом ждали, но больше на халтуры не звали. Я всегда замечала, что после того, как мы с ним уже обсудим все детали предстоящей работы, он еще долго стоит в задумчивости и обсуждает еще что-то сам с собой. Беззлойный, не осуждающий никого и ничего, он ко всему в жизни относился так, как подсказывала ему его совесть. Он не умел хитрить, приспосабливаться и обманывать – это просто не совпадало с его внутренним миром. Я не замечала, чтобы он был набожный: в церковь он не ходил, но то, что Бог был в его душе и жил он по его законам, было очевидно.

Последний этап закончился быстро, но Леша так и остался в нашей семье палочкой-выручалочкой на долгие годы.

Связи с Лешей мы не теряли, да и он нет-нет, да и сам вдруг придет после работы – то с новым порошком для кухни, который сам выточил и отполировал, то вспомнит о недоделке, про которую я уже и забыла.

Один раз сломала я деревянную палку от старой половой щетки и расстроилась: ехать куда-то искать новую щетку не очень хотелось, так как тогда не было изобилия товаров в магазинах и на поиски нужной вещи можно было потратить уйму времени. Леша был у нас в очередной раз.

– Я новую палку сделаю, – сказал он.

– Не надо, – говорю, – у тебя и так работы по горло. Может, я новую куплю где-нибудь.

Но он забрал мою сломанную щетку и ушел. Три дня проходит, неделя... Я, наконец, звоню:

– Как там моя щетка? – спрашиваю я Лешу.

– Делаю... – отвечает.

Наконец, приносит... Ну что сказать? Это как вечернее платье к валенкам: щетка старая, местами лысая, а палка... Из хорошей породы дерева, отшлифована, отполирована, блестит и сверкает всей поверхностью.

Она еще долго служила и сейчас нет-нет, да и пригодится на даче для чего-нибудь. Сносу ей и по сей день нет.

Годы шли. Леша иногда звонил. Сын его вырос, и рассказывал он о нем не много, видимо, и рассказывать было особенно нечего. В основном говорил про внучку. Потом позвонил и сказал, что сын женился и привел молодую жену к ним домой. Теперь вместе с ней они живут у него дома. На мои вопросы о невестке Леша отвечал коротко и как то без особой охоты:

– Ну, приехала из провинции на заработки, но не работает.

– А что же она делает весь день, пока сын на работе?

– Дома сидит. В их с сыном комнате. – Потом помолчал и добавил,

– Красивая...

У Леша в доме всегда было тихо, они с женой принимали любые жизненные обстоятельства молча и безропотно. Главной радостью в их жизни оставалась внучка, которой они уделяли большое внимание, надеясь на ее счастливое будущее. Лешина жена Ульяна возила ее по разным школам и кружкам, пока дочь была на работе, тем более что у дочери начались семейные проблемы и дело шло к разводу. Леша надрывался, берясь за любой дополнительный приработок, и свалился с микроинсультом, но не отлежался и поспешил на очередной строительный объект.

Следующий его звонок был печальным.

* * *

Поднимаю трубку – Леша:

– У меня беда.

– Что случилось?

Нервно объясняет: сын ехал в машине за рулем. Ехал один. Машина была чужая. Ехал вечером. Попал в аварию, вылетел в кювет и сломал позвоночник. Было это в области. Проллежал без помощи до утра. Вопрос жизни, а нужного лекарства в больнице и в аптеках нет. Помогите!

Мы кинули все наши силы и возможности в это трудное перестроечное время на поиски нужного лекарства. Достали и передали Леше. Сын выжил, но остался инвалидом и передвигался по квартире в коляске. Леша как-то сразу постарел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.